

На правах рукописи

Исаев Шамхалдибир Магомедович

**ПАМЯТНИКИ ПРАВА НАГОРНОГО
ДАГЕСТАНА XV–XVIII вв.**

12.00.01 – теория и история права
и государства; история учений о праве и государстве

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Махачкала – 2012

Диссертация выполнена на кафедре теории государства и права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Дагестанский государственный университет».

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Муртазалиев Абулмуслим Магомедович
.М.

Официальные оппоненты: **Исмаилов**
Магомедсагид Абдулмуслимович
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный деятель науки РД,
Зав. лабораторией обычного права ДГУ

Небратенко Геннадий Геннадиевич.
кандидат юридических наук, доцент
(Ростовский юридический институт
МВД России, начальник курсов
повышения квалификации)

Ведущая организация: Чеченский государственный университет

Защита состоится 22 мая 2012 г. в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.053.07 при ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет» по адресу: 367012, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Коргмасова, 8, ауд. 85.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет». [Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ДГУ http://www.dgu.ru/](http://www.dgu.ru/)

Автореферат разослан 20 апреля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

В.Т. Азизова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. С распадом СССР начался переходный период в истории стран СНГ со всеми присущими для него трудностями, осложняемыми к тому же острыми кризисными проявлениями в экономической, политической и государственно-правовой сферах. Несмотря на некоторые признаки стабилизации, Российское государство все еще не вышло из этого кризисного периода.

Актуальность поиска путей выхода из продолжающегося кризисного периода очевидна сама по себе. С правовой стороны основная трудность состоит в том, что прежняя советская правовая система уже разрушена, а новая пока еще не создана, несмотря на прилагаемые усилия органами власти. Отечественная правовая мысль на современном этапе все менее склонна к модернистским экспериментам в духе подражательного следования опыту Запада. И, напротив, все более выявляется стремление к конструированию эффективно работающей, пригодной для целей практического правового регулирования юридической системы, способствующей выведению из кризиса нашего общества и государства, преодолению затянувшегося «переходного периода». При этом закономерно возрастает интерес к реальному, исторически проверенному отечественному правовому опыту прошлых эпох, в котором вполне оправданно усматривается возможность найти ответы на многие актуальные вопросы регулирования общественных отношений. Именно этим можно объяснить тот интерес исследователей к обычному праву народов Российской Федерации, который наблюдается в правовой науке в последние два десятилетия. Попытки прямого насаждения в нашей стране передовых форм, напрямую заимствованных у «развитых стран», уже не раз обнаруживали свою неэффективность и неадекватность в отечественных условиях, что, в свою очередь, стимулировало интерес и практиков, работающих в сфере права, и исследователей к апробированному самой историей отечественному юридическому наследию и традициям.

Одна из самых интересных сторон этого опыта – умение законодателей прошлых эпох учесть, а иногда и соединить правовые традиции полутора столетия народов огромной евразийской державы в единую, органичную, достаточно эффективно работающую, практически пригодную систему правового регулирования, включающую, среди прочих частей, и региональные подсистемы, основанные на существенно различных цивилизационных принципах и традициях. В Северо-Кавказском субрегионе таковой была известная система «военно-народного управления», соединившая в себе элементы российского имперского права XIX в., горские адаты и элементы шариатского фикха. Весьма возможно, что она не была идеальной, и критические замечания о ней, раздававшиеся на протяжении 70 лет XX в.,

небезосновательны. Однако столь же верно и то, что царские администраторы оказались способны после затяжной полувековой войны достичь компромисса с горским обществом Северного Кавказа, признав необходимость учета исторически сложившегося социально-культурного своеобразия горцев.

Из трех компонентов «военно-народного управления» наиболее интересны для научного исследования горские адаты. Несмотря на сравнительно меньшую их изученность и локальное разнообразие, усложняющие исследовательскую задачу, адаты в наибольшей степени выявляют своеобразие правовых воззрений, норм и традиций народа, региональные культурно-исторические особенности горского общества, своеобразие исторического пути его складывания и развития. Все это, в свою очередь, открывает перспективы для широких сравнительно-исторических исследований в области юридической антропологии, сопоставления правовых систем, исторически сложившихся в различных цивилизациях. На сегодняшнем уровне развития историко-правовых исследований, таким образом, очевидна научная актуальность исследования горских адатов в их сопоставлении у различных народов Дагестана в XV–XVIII вв. накануне судьбоносного поворота в ходе их исторического развития.

Вместе с тем данная тема актуальна не только в научно-теоретическом, но и в прикладном плане. Поскольку становление российской правовой системы далеко еще не завершено, рассмотреть и учесть подобный опыт пока еще не поздно – возможно, он окажется не менее полезным в XXI веке, чем во второй половине XIX века.

Однако для сколько-нибудь эффективных действий в этом направлении сначала необходимо объективное и точное представление об исходных основах главной и наиболее своеобразной составляющей любых региональных юридических подсистем такого рода. Отсюда очевидна не только научно-теоретическая, но и практическая актуальность исследуемой темы.

Степень разработанности проблемы. Традиционное право горцев Дагестана давно привлекало к себе внимание исследователей, однако систематический сбор и осмысление местных адатов относится к XIX веку. При этом преобладали практические, утилитарные цели. Военные администраторы хотели иметь адекватное представление о реальных нормах, регулирующих жизнь горского общества. Особое место в этом первоначальном сборе материалов для исследования принадлежит А.В. Комарову, П.К. Услару, А. Руновскому. *Эмпирический* подход тогдашних исследований был положен в основу системы военно-народного управления, как попытка совместить с основами имперского права местные адаты и шариат. *Научный* подход на принципах тогдашнего позитивистского правоведения XIX в. был осуществлён впервые М.М. Ковалевским и продолжен Ф.И. Леонтовичем, Б.К. Далгатом. Это была более высокая ступень осмысления правовых основ горского общества и его места среди правовых систем

мира. В трудах этих исследователей заметно влияние принципов историко-юридической школы М.Ф. Владимирского-Буданова, Е.Н. Трубецкого, В.И. Сергеевича и других.

Одновременно продолжали существовать иные направления и подходы к исследованию обычного права горцев Дагестана. Продолжателями *традиционной восточной науки* здесь выступают А.К. Бакиханов и его продолжатель Г.Э. Алкадари, в значительной степени близок к ним М.А. Казембек. Традиционную восточную образованность они соединяли с использованием достижений европейской науки, что особенно характерно для деятельности просветительства XIX–начала XX вв. на Кавказе. Продолжателями *утилитарно-эмпирического* подхода оставались члены сословно-поземельной комиссии – И.Я. Сандрыгайло и другие.

Революционные события 1917–1920 гг. оказали сильное влияние как на саму общественную жизнь и правосознание региона, так и на изучение традиционного местного права. В правоведении в послереволюционные годы выделяются работы И.Ю. Крачковского, А.М. Ладыженского, М.О. Косвена. Эти учёные сформировались ещё до революции, по сути, они продолжили лучшие традиции дореволюционной отечественной науки, хотя пытались в той или иной степени использовать новую историко-материалистическую методологию. В те же годы трудились и продолжатели местной просветительской традиции – А. Каяев, М. Инквачилав и М.-С. Саидов. Со временем, однако, сформировалось поколение исследователей, опирающееся на историко-материалистическую методологию, – Х.-М.О. Хашаев, Р.М. Магомедов, В.Г. Гаджиев.

Таким образом, продолжают исследования традиционного горского права в академических центрах. Но одновременно всё более развивается и региональная – местная школа исследователей. В послевоенные годы она представлена работами Л.И. Лаврова, А.Р. Шихсаидова, А.С. Омарова, Р.Г. Маршаева, М.А. Агларова, много сделавших для сбора и изучения дагестанских средневековых правовых памятников. Следует также отметить этнологов, занимавшихся научным осмыслением истории права народов России – А.И. Першица, Ю.И. Семёнова, Л.И. Кубеля, В.А. Зибарева и других.

Наиболее результативны исследования по горскому обществу и по теории обычного права Ю.Д. Шапсугова, Х.М. Думанова, Г.В. Мальцева, А.И. Ковлера, Л.Г. Свечниковой, Л.И. Бабич, Г.В. Савенко и других.

В настоящее время исследованием истории права дагестанских народов занимаются Т.М. Айтберов, А.М. Муртазалиев, Х.А. Омаров, М.А. Исмаилов, Х.Г. Магомедсалихов, В.О. Бобровников, М. Кемпер и другие. В частности профессор М.А. Исмаилов подготовил к публикации серию памятников права Дагестана, а также работы, предназначенные для учебных целей. Возглавляемая им лаборатория обычного права является кузницей для подготовки молодых специалистов по обычному праву. Исследованию проблем государственно-

правовых институтов в Дагестане посвящены работы А.К. Халифаевой. Среди новейших работ, посвященных обычному праву и обычно-правовым системам традиционного общества, является работа Г.Г. Небрятенко. Он первый среди российских юристов-исследователей предпринял попытку всестороннего рассмотрения феномена обычного права, с присущими ему типологическими особенностями в рамках эпох, культур и цивилизаций, а также процессов генезиса, становления и функционирования его в традиционном обществе и современном мире.

Цель и задачи исследования. Основной целью работы является историко-правовая и теоретико-правовая характеристика памятников права Нагорного Дагестана XV–XVIII вв. и изучение их прикладной роли применительно к современной правовой системе Российской Федерации.

Для достижения указанной цели в работе поставлены следующие **задачи**:

- определить место дагестанских памятников XV–XVIII вв. среди иных правовых систем Северо-Кавказского субрегиона – т.н. «горского общества» и их стадийно-правовой уровень;

- опираясь на теоретико-правовые разработки предшественников, реконструировать (насколько это позволяют источники, а при необходимости гипотетично) нормативный состав источников права XV–XVIII вв.;

- определить место историко-правовых и обычно-правовых памятников в истории дагестанского права;

- рассмотреть основные формы и этапы генезиса письменных правовых источников в неразрывной связи с общественно-политическим развитием общин Дагестана.

Источниковая база исследования. Выбор темы исследования предопределил необходимость использования всей совокупности имеющихся источников, которые могут быть разделены на две группы: историко-правовые и обычно-правовые памятники. Оба вида источников являются по происхождению местными, написанными на арабском языке и аджаме (в частности, кайтагском языке).

Методологическая база исследования. Методологическую основу исследования составил принцип историзма, предполагающий изучение фактов и событий в конкретных исторических условиях, рассмотрение их в сравнительно-юридическом плане, причинно-следственной связи, развитии и взаимосвязи общественных явлений, признающий многовариантность развития государства и права. При исследовании обычно-правовых источников применялись общенаучные, специальные и частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, структурно-аналитический и системный.

Предмет и объект исследования. *Предмет* исследования составляют памятники права Нагорного Дагестана, возникшие в горских обществах в эпоху расцвета общин Дагестана в XV–XVIII вв., отразившегося в своеобразных

формах местного обычного права, которые именно в этот период от изузного бытования переходили в форму фиксированных письменных «кодексов», то есть происходил переход от обычая к закону. **Объектом** исследования служат возникновение, развитие и функционирование ранних форм права, характерных для определенного периода развития традиционного общества, т.е. для XV–XVIII вв.

Теоретической основой исследования является учение о формационном и цивилизационном подходах к изучению общества и общественных явлений, а также труды выдающихся зарубежных и отечественных исследователей в области общей теории права и философии права.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что в нем сделана одна из первых попыток комплексного историко-правового и теоретико-правового анализа памятников права Нагорного Дагестана как предпосылок формирования биюридической системы в Дагестане. В этой связи выявлены их редакции, списки, прослежены этапы сложения и датировки. Некоторые из исследуемых текстов памятников права обнаружены автором в Рукописном фонде ИИАЭ ДНЦ РАН, переведены с арабского языка на русский язык, снабжены правовыми комментариями и необходимой историко-правовой интерпретацией, в т.ч. впервые введены в научный оборот Краткая редакция адатов Андалала и Новые списки «Завещания Андуника».

Непосредственно научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Определено сходство в памятниках права Нагорного Дагестана XV–XVIII вв., выделены модели, виды, типы взаимодействия содержащихся в них норм, прослежены основные способы имплементации и рецепции норм исламского и адатного права.
2. Выявлены общие и специфические особенности формирования обычно-правовых памятников Нагорного Дагестана XV–XVIII вв.
3. Обосновано существование в период XV–XVIII вв. в Нагорном Дагестане биюридической правовой системы с определением сфер регулирования и применения обычно-правовой и религиозной (мусульманской) систем.
4. Подтверждена гипотеза об одинаковом стадиональном уровне развития союзов сельских общин и феодальных владений Дагестана. При этом сам факт существования и фиксации памятников обычного права сельских общин свидетельствует о сравнительно высоком социально-правовом уровне их развития, а содержание указывает на значительную развитость юридической практики в союзах сельских общин Дагестана.
5. Прослежена несомненная корреляция между традиционными адатными нормами в исследуемых сборниках и внутренней структурой горской

общины – джамаата с характерными её особенностями, что позволяет прояснить вопрос о генезисе многих адатных норм.

Положения, выносимые на защиту:

1. В XV–XVIII вв. в основном было завершено оформление местных систем адатного права в большинстве земель, общинных союзов и феодальных владений Дагестана. При этом формирование адатного права происходило без значительных правовых влияний извне, поскольку заметное влияние шариата на правовую систему начинается в конце XVII в., достигая повсеместного размаха лишь в XVIII в.

2. Итогом развития обычного права народов Дагестана в XV–XVIII вв. стало полное и окончательное оформление его основных принципов (общих для всего Дагестана), что нашло также отражение в общественном сознании горцев, которое не удалось поколебать здесь даже правовым рецепциям мусульманского, а затем и российского имперского права.

3. В XV–XVI вв. в Дагестане появляются не только нормативно-правовые, но и другие виды источников права. Особого внимания заслуживает правовой акт аварского правителя Андуника б. Ибрагима к своему племяннику Булач-нуцалу, который, будучи по своей сути политическим завещанием, является ценным политико-правовым актом-меморандумом, не только затрагивающим важные стороны государственного и внешнего права, но и раскрывающим некоторые вопросы государственно-правовых понятий одного из сильных государственных образований Северо-Восточного Кавказа – Аварского ханства.

4. Другим важным историко-правовым памятником права этого периода являются «Податные списки аварских ханов». Анализируемые в работе списки податей аварских ханов представляют собой весьма содержательные историко-правовые источники, отражающие политико-правовую жизнь Аварского ханства, как развитого и сильного к тому времени (конец XV–начало XIX вв.) феодального государственного образования на Северо-Восточном Кавказе.

5. По содержанию «Податных списков аварских ханов» можно выделить основные этапы становления Аварского ханства и его политико-правовых институтов. В этом источнике, прежде всего, отражены отношения государства и его подданных, которые относятся к разным институтам государственного права.

6. Анализ памятников права Нагорного Дагестана XV–XVIII века свидетельствует о том, что основными правовыми регуляторами в указанное время выступали обычно-правовые нормы, несмотря на сильное влияние шариата на адатную систему горцев. Начиная с XV века, и особенно в XVII–XVIII века, под влиянием ислама адаты подвергались трансформации. Но, тем не менее, шариат не смог сколь-нибудь существенно вытеснить обычное право, даже в период освободительной борьбы под руководством трех имамов в XIX в.

Хотя при имаме Шамиле шариатские нормы стали преобладать над обычными, в последующем сферы применения шариата и адата были четко разделены.

7. Изучение обычно-правового свода Андалала подтвердило существование Краткой редакции, с учетом чего обоснована логическая необходимость и целесообразность включения Краткой редакции в состав Пространной.

8. Историко-правовой анализ адатов Гидатля показал, что этот свод норм складывался с XI в. по первую половину XVII века, в составе которого необходимо выделить два периода: первый период – с XI века до 1475 года, основными источниками для которого являлись правовые обычаи и правовые прецеденты; второй период – с 1475 г., с принятием ислама обществом Гидатль, до середины XVII века, связанный с восприятием некоторых норм исламского права. В последующие годы были рецептированы передовые нормы шариата в сфере уголовного права для ограничения круга кровомстителей, брачно-семейного права – заключения и расторжения брака, наследственного – раздела имущества. Приблизительно с этого периода было положено начало биюридизму, т.е. параллельному существованию двух независимых правовых систем в Дагестане с активным заимствованием и влиянием норм шариата.

9. Сравнительно-правовой анализ адатов Кайтага подтвердил существование более древних адатов, а также протографа, относительно которых проведена авторская реконструкция архаического ядра этого обычно-правового памятника.

10. Исследование памятников права народов Дагестана XV–XVIII века убедительно свидетельствует о неодинаковой развитости основных отраслей обычного права, в составе которых наибольшее развитие получило уголовное право. Что касается имущественного права, то в основном гражданские дела разбирались на основе норм шариата. При этом наиболее развитыми подотраслями имущественного права являлись брачно-семейное, наследственное и обязательственное право, которые находились под влиянием исламского права.

Научная значимость исследования состоит в том, что материалы и выводы диссертации могут быть использованы при проведении исследовательских работ по истории государства и права Северного Кавказа, Дагестана, при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по указанной тематике, а также при написании квалификационных работ по истории права Дагестана и Северного Кавказа.

Практическая значимость исследования. Обоснованные в работе положения могут быть использованы в законотворчестве, при разрешении гражданских дел, в учебном процессе при преподавании курсов «История отечественного государства и права», «История государства и права Дагестана»,

а также реализации магистерской программы «Обычное право» и спецкурсов «Обычное право народов Дагестана» и «Памятники права Дагестана».

Апробация результатов исследования. Работа подготовлена на кафедре теории государства и права Дагестанского государственного университета, где были проведены ее рецензирование и обсуждение. Основные положения диссертации отражены в 6 опубликованных научных статьях автора, в том числе в 4 публикациях, рекомендованных ВАК, общим объемом 1,97 п.л., в выступлениях автора на научно-практических конференциях международного, всероссийского, регионального и республиканского уровня, а также используются в учебном процессе.

Результаты проведенного исследования также нашли отражение в реализации научно-исследовательского проекта «Антология памятников права народов Кавказа», осуществляемого Академическим правовым институтом, и научно-исследовательского проекта «Памятники права народов Дагестана», выполняемого в лаборатории обычного права ДГУ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих шестнадцать параграфов, заключения, библиографии и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования; оценивается степень научной разработанности проблемы, обуславливаются хронологические и территориальные рамки, определяются предмет и объект, цель и задачи исследования; характеризуется методологическая основа работы; отмечается ее научная новизна; формулируются основные положения, выносимые на защиту; раскрывается теоретическое и практическое значение диссертационного исследования; приводятся сведения об апробации результатов исследования.

Глава первая – «**Теоретико-методологическая характеристика памятников права Нагорного Дагестана (XV–XVIII вв.)**» состоит из четырёх параграфов.

Первый параграф – «*Предпосылки формирования памятников права Дагестана*».

Любые формы права обусловлены особенностями и уровнем развития того общества, которое их формирует. Поэтому для понимания их сути и своеобразия целесообразно начать с краткого обзора общественно-исторических предпосылок их становления – в особенности, если речь идет о таком своеобразном явлении, как дагестанское традиционное обычное право.

Канун изучаемого периода (XV–XVIII вв.) характеризуется завершением смены типа расселения в Нагорном Дагестане. Прежний архаичный тип расселения (мелкие аграрные посёлки – хутора, заселённые семейными общинами, сохранявшими родовые традиции) с XI века заменяется новым: формируются крупные сёла с соседскими общинами «античного» (циркумпонтийского) типа, главная черта которых – относительное равновесие между частной и общинной формами собственности на землю. Другая характерная их черта – сохранение в структуре такой сельской общины (джамаата) родственных коллективов (тухумов). Своеобразие таких форм поземельной собственности и внутриобщинной структуры детально отразилось в традиционных адатах. Стремление к оптимизации в использовании джамаатских земель и в их защите вело к формированию общинных союзов (т.н. «вольных обществ») – межсоюзные договоры, известные с XVII вв., составили особую часть традиционного права.

С другой стороны, джамааты XV в. давно утратили архаическое равенство своих членов – ясно наметилась социальная стратификация, отразившаяся в адатах: полноправные общинники, т.н. уздени, неполноправные свободные общинники, чужесельцы (подобные античным метекам), зависимые землепользователи – лаги, рабы.

Автор отмечает, что объемы прав и обязанностей каждой из социальных групп, их сложные взаимоотношения ясно отражены в адатах того времени

(отличительная черта горских адатов Дагестана: здесь полным объемом прав обладает узденство, составляющее большинство общины, численно преобладающее над всеми остальными её группами, вместе взятыми).

Такая структура общества обуславливала его своеобразную политическую организацию. Уже в вольных обществах наряду с традиционными общинными собраниями мы видим выборные органы власти, состоящие из выборных должностных лиц с разграниченными функциями, а также суды с определенной судебной процедурой. Наряду с традиционным ополчением наблюдается выделение профессиональных групп воинов и охранников. В основе общественной организации в вольных обществах бытует уже территориальный, а отнюдь не родовой принцип. Все это – первичные атрибуты государственной организации и политической жизни. Однако социальное неравенство внутри общины, приобретая сословные формы, делало возможным развитие одного из двух типов государственно-политической организации: общинно-республиканский (с выборной верховной властью) и наследственно-монархический (выделение княжеской династии). Если в южноаварских общинных союзах возобладала общинно-республиканская форма, то в Кайтаге развитие получила наследственно-владельческая форма (главенствовал род князей – уцмиев).

Это различие резко проявлялось в их адатных списках, хотя следует отметить, что верховная власть князей-уцмиев ограничена традиционными общинными нормами и весьма далека от абсолютной.

Общим итогом такого развития стало окончательное формирование устойчивого биюридизма двух правовых систем, т.е. адатной и шариатской систем. Их взаимодействие не останавливалось на простом разграничении компетенций – происходило длительное взаимное их влияние друг на друга. Шариат, отвергнув наиболее неприемлемые адатные нормы, весьма толерантно отнесся ко всем остальным нормам, включив их в категорию урфа, тем самым признав их. Горские же адаты заимствовали не только шариатскую терминологию, но и сами нормы шариата: такие рецепции привычным путем были приняты в качестве новых адатов (т.е. включены в число местных адатов через решения общинных собраний).

Таковы основные предпосылки складывания своеобразной правовой системы горцев Дагестана в XV–XVIII вв., нашедшие свое отражение в письменных правовых памятниках XV–XVIII вв. Созданная таким образом правовая система оказалась настолько удачной, что успешно функционировала в течение трех с половиной столетий.

Второй параграф – «Общее понятие об источниках права и виды источников обычного права».

В своих истоках обычное право является универсальной правовой системой, включающей в себя, наряду с правовыми, этические и религиозно-

обрядовые нормы. На этой стадии его формирования не всегда возможно даже их дифференцировать. Поэтому в историко-юридических исследованиях предложено понятие мононормы для обозначения этих первичных исконных синкретических норм, регулирующих жизнь архаических первобытных коллективов.

Следует добавить, что и с развитием дифференциации обычного права какая-то часть мононорм продолжает пережиточно существовать в общественном сознании, относясь к архаическому ядру позднейших адатных систем.

В дальнейшем исследовании автор сознательно исключает из анализа моральные, обрядовые, этические нормы, сосредотачиваясь исключительно на адатных нормах правового характера. В этих адатных системах на поздней стадии их бытования уже отчетливо выделяются такие юридические (правовые) подразделения, которые можно отнести к сфере уголовного, имущественного, семейного права.

Диссертант обращает внимание и на разные уровни применения этих норм: часть их относится к внутрисемейной жизни, другие – к регулированию отношений в родственных объединениях (тухумах), третьи – к регулированию отношений внутри общины или общинного союза: тем не менее, всё это части единой, вполне сформировавшейся адатной системы.

Многочисленные рецепции шариата и другие новации отражают высокий уровень социального развития традиционного дагестанского общества, что свидетельствует о назревшем переходе дагестанского общества в XVII веке «от обычая к закону».

Другим признаком зрелости традиционного права этого времени является оформление своеобразных юридических органов и институтов. Самой распространенной и первичной ступенью были сельские суды.

Их описание дал А.В. Комаров в предисловии к работе «Адатам и судопроизводству по ним»: это – периодически собиравшиеся коллегии, чаще всего пожилых людей, компетенция которых в местных адатах была общепризнанной. Они решали все текущие конфликты и дела уголовного, семейного и имущественного характера.

Дела более серьезного порядка, в том числе касавшиеся конфликтов между сельскими общинами, решались на уровне совета старейшин – представителей отдельных сёл, составляющих коллегию управления сельского союза («джамаат» – в узком смысле слова). Эта коллегия обладала и апелляционными полномочиями, могла пересматривать частные решения сельских адатных судов.

Автор обращает внимание на сформировавшуюся в Дагестане своеобразную адатную институцию третьего уровня – признание высших апелляционных и арбитражных полномочий в сфере адатного права за

несколькими сёлами Нагорного Дагестана. Аналогов этому не удалось найти в практике применения обычного права в других странах. Итак, в случае особой сложности адатных дел либо конфликтов между общинными союзами борющиеся стороны, по обоюдному согласию, передавали своё дело на арбитраж (третейство) одного из таких сёл, старейшины которого традиционно считались наилучшими знатоками адатов в этой части Дагестана. Таким образом, вокруг каждого из подобных сёл формировались своего рода «судебные округа» по адатному праву, обладавшие высшими апелляционными полномочиями.

Хотя первичными источниками обычного права являются мононормы, отражающие архаические отношения доклассового, первобытного коллектива, однако с развитием традиционного к этому первичному ядру добавляются нормы более современные, восходящие к другим источникам обычного права. В первую очередь это решения, сформировавшиеся в соседской общине, принятые общинными собраниями, а также решения общинного суда, приобретающие прецедентное значение. Сюда же следует отнести отдельные моменты договоров с соседними общинами и третейские решения – либо верховных третейских судов, упоминавшихся выше, либо решения отдельных феодальных владетелей, выступивших в роли арбитров (см. Кайтагские адаты). Начиная с XV в., всё более прослеживаются и рецепции шариатских норм.

Таковы основные источники и механизм формирования обычного общинного права Дагестана XV–XVII вв.

Третий параграф – «Историко-правовая характеристика памятников права».

Использованные автором при написании диссертации источники можно разделить на два вида: а) историко-правовые источники и б) обычно-правовые источники. Оба вида источников, в свою очередь, можно классифицировать по различным основаниям. В первую группу – историко-правовые источники – входит Завещание аварского правителя последней четверти XV в. Андуника б. Ибрагима. Завещанием (*testamentum*) в римском праве признавалось не всякое распоряжение лица своим имуществом на случай смерти, а лишь такое, которое содержало назначение наследника. Исследуемый источник как раз относится к числу таких завещаний. Это – сложный по своей сути политико-правовой документ, не имеющий аналогов в северокавказской историко-правовой науке. Подобного рода источники обычно относят к имущественному – гражданскому праву, ещё точнее – к наследственному праву (в основном в них затрагиваются вопросы, касающиеся собственности), где наследодатель завещает, как правило, наследодополучателям наследственную долю. В разбираемом здесь акте встречается обратное – о передаче политических прав правителя Аварии Андуником сыном Ибрагима своему племяннику, наследнику престола Булач-Нуцалу. Здесь виден универсальный характер наследования, где единым актом к наследнику

переходили все права и обязанности. Но при этом в тексте завещания имеются строки, не совсем определённо затрагивающие и права владения.

Диссертант характеризует завещания-акты, запечатлевшие большинство правовых обычаев и норм как внутреннего, так и внешнего права.

Далее автор рассматривает другой историко-правовой памятник, относящийся к Аварскому ханству и сопредельным обществам, – «Податные списки Аварских ханов», давно уже ставшие достоянием науки. Ещё в 1940 г. был опубликован Список I, и спустя два года публикация была повторена с незначительными изменениями. В этом Списке перечислено 280 селений Дагестана и Чечни. По критерию обязанностей их можно разделить на 3 группы. Из Списка видны статусные различия сёл внутреннего Дагестана и Горной Чечни. Что касается Списка II, то он был найден в сел. Арадерих. Исследователи датировали этот документ 1801 годом, нередко относя его к деяниям Умма-хана Аварского, хотя этого имени там не имеется, но зато упоминается Султан-Ахмет-хан (ум. 1823) в оборотах речи давно прошедшего времени. Поэтому налицо факт отсутствия прямой связи этого Списка с Умма-ханом Аварским. Анализируя эти Списки, автор приходит к выводу о трёх этапах становления Аварского ханства. Это в какой-то степени подтверждает упомянутый выше политико-правовой акт XV в. – Завещание Андуника, сына Ибрагима. Этот акт обозначал исконный периметр Аварского нуцальства, то есть территорию внутренних границ, куда входила первая группа деревень, перечисленных в Списке I. Юридическое оформление статуса этой группы завершилось в третьей четверти XV в. Что касается второй группы, то в основном это – сёла Высокогорного Дагестана и Горной Чечни – их юридическое закрепление оформилось во 2-й пол. XVI – в конце XVII в. Третья группа – это сопредельные джамаатские союзы Куяда, Гидатль, Келеб и Карах, лежащие по течению и южнее Аварского Койсу, примкнувшие к ханству в начале XVIII в.

Что касается Списка I, то в чисто юридическом аспекте в этом источнике, прежде всего, отражены отношения между государством и его подданными, что относится к разным сторонам государственного права. Это, прежде всего, военно-служилая повинность населения 1-й и 3-й групп, причём оплата службы либо её отсутствие отражает статусные различия между ними. Натуральные подати, взимаемые с населения 2-й группы сёл, с очевидностью, относятся к сфере налогового права, а в отношении нескольких райатских сёл, платящих ренту не в казну ханства, а непосредственно членам нуцальского рода, следует усматривать сферу действия права собственности и вещного права.

В заключение автор отмечает, что налоговые подати и военные повинности относятся к основным признакам государства и действующей государственной власти. Третья группа была присоединена не ранее середины XVIII века.

Данный источник является ценным памятником государственного права Дагестана XV–XVIII вв., в котором затрагиваются политико-правовые вопросы

и основные этапы становления феодального образования – Аварского ханства. По своему происхождению источник является местным, написанным на арабском языке. Однако оригинал этого акта пока не обнаружен.

Четвёртый параграф – «Теоретико-правовая характеристика памятников обычного права».

Обычное право является первым типом общественной регламентации, возникшим в первобытнообщинном строе. Характерной особенностью его, по мнению выдающихся этнографов Х.М. Думанова и А.И. Першица, была нерасчленённость, недифференцированность тогдашних регулятивных общественных правил, определяемых, поэтому как мононормы. По мере развития общества, в особенности при его социальном расслоении, началось расчленение первоначальных мононорм на нормы морали, религии, права. Для обычного права, в том числе и для горских адатов, характерно бытование всех этих трёх разновидностей в рамках единой регулятивной системы. Из исследуемых в работе памятников эта особенность ярче всего обнаруживается в т.н. «Кодексе Рустем-хана».

Автор обращает внимание на то, что в Нагорном Дагестане сформировались крупные общинные союзы республиканского типа, не уступавшие ни по размерам, ни по уровню социально-экономического развития тогдашним феодальным владениям.

В этих, одновременно возникших самостоятельных государственно-политических образованиях в то же время появляется общественная потребность в некоей системе норм, более разработанной и соответствующей новому уровню развития, нежели прежние архаические изустные обычаи, во многом сохранявшие ещё следы родоплеменной организации. Результатом этого стало синхронное появление в начале XVII в. в южноаварских общинных союзах – Гидатле, Келебе, Андалале, Рис-Оре и др. – письменных адатных сборников, исследуемых в данной работе. Ареал действия адатных систем этих четырёх сопредельных южно-аварских союзов можно рассматривать как некое «единое правовое пространство» – настолько близки их нормы и в особенности общие правовые принципы.

Причины этого сходства, прежде всего, носят конвергентный характер: в этих адатных сборниках отражено единство сформировавшей их общинной среды. Вышеназванные южно-аварские общинные союзы сложились в единой ландшафтной среде, на базе единого (аварского) этноса, имели общее культурно-историческое прошлое и прошли единый путь развития. Непрерывное их общение создавало все условия для взаимовлияния их обычаев и норм, постоянно обновляемых и изменяемых применительно к общественным переменам.

Вторая глава – «Адаты Андалала» состоит из четырёх параграфов.

В первом параграфе – «*Социально-правовая характеристика политического устройства Андалала*» отмечается, что в XV веке параллельно с исламизацией Андалал окончательно оформляется как союз 12-ти самоуправляемых сёл-джамаатов, признающих частичное верховенство кумухских шамхалов в военных и внешнеполитических делах и, возможно, их третейство в судебных делах. Иными словами, Андалал входил тогда в политическую систему Кумухского шамхальства, сохраняя при этом своё внутреннее самоуправление. Автор отмечает, что с самого начала за тремя его сёлами – Согратлем, Ругуджой и Чохом признавалось лидерство в союзе.

Далее диссертант отмечает, что в Андалальских джамаатах развивалось расслоение, что привело, в конечном итоге, к обострению и без того напряжённых отношений, придав им характер межсословной конфронтации.

В 40–70 гг. XVII в. был достигнут компромисс: верховная исполнительная власть Андалала оформилась как триумvirат трёх должностных лиц – кадия, раиса, кайима. Кадий возглавлял верховную судебную власть (это место было закреплено за тухумом Къадиясул рукъ из Согратля) и в основном представлял интересы духовенства. Раис возглавлял объединённое ополчение, он считался охранителем интересов аристократии (место закрепилось за тухумом Султана – лишь на этом условии Кумух признал обособление Андалала от него). Кайиму отводилась важная роль посредника между триумvirатом и народным собранием – ополчением, т.е. между народом и властью (впоследствии получив местное название «мангуш», он всегда выдвигался из Чоха). Всё это указывает на то, что в Андалале сложилась отчуждённая публичная власть, вполне отделившаяся от народа, – она опиралась на отряд «шурта» – стражников-очередников из рядовых общинников.

К концу XVII в. политико-правовая структура Андалала сформировалась окончательно. В ней выделяется три уровня власти. Первый уровень – исконное народное собрание общинников-ополченцев – теперь оно созывалось лишь по важнейшим вопросам: войны или мира, границ и т.п.; второй уровень – собрание делегатов – представителей сёл («джамаат» в условном вторичном понимании), решавших основную массу текущих вопросов – от приёма в общину и внешних контактов и до апелляций и замещения сельских должностей; третий уровень – триумvirат, т.е. исполнительный орган для постоянного оперативного руководства.

Наличие отчуждённой власти, опирающейся на организованное насилие, и организация населения не по родственному, а по территориальному признаку, позволяют рассматривать сложившийся в Андалале джамаатский союз как форму государственности республиканского типа.

Во втором параграфе – «*Общая характеристика адатного свода Андалала*» говорится, что андалальские арабоязычные адатные сборники дошли до нас в двух редакциях: Краткой и Пространной. Текст Краткой редакции

опубликован Х.-М.О. Хашаевым (в переводе М.-С. Саидова) в его монографии. Текст Пространной редакции опубликован им же в подготовленном им сборнике. Фотокопия арабского подлинника сопровождается смысловым переводом на русский язык, сделанным М.-С. Саидовым. Как известно, переводчик – большой знаток дагестанской арабоязычной словесности и горской общинной традиции – включил в перевод собственные пояснения. Во многих случаях они чрезвычайно ценны для современного исследователя, так как многие реалии подлинника ныне уже забыты. Однако, с другой стороны, это ведёт к недостаткам перевода: вполне понятным неточностям, непостоянству и произвольности терминологии и неубедительным интерпретациям топонимики. Есть даже случаи перемены мест отдельных частей перевода по сравнению с подлинником, а кое-где имеются незначительные пропуски.

Обе редакции не содержат дат или хотя бы датирующих моментов (имен известных деятелей, событий и т.п.). Поэтому оба текста принято датировать по косвенным признакам – главным образом, по тому, каким известным периодам истории Андалала в наибольшей степени соответствуют упоминаемые социальные и должностные термины, правовые ситуации и т.п. Такой подход чаще всего приводит исследователей к XVII веку. При этом очевидна сравнительно большая архаичность Краткой редакции, что позволяет отнести её к первой половине или даже началу XVII в., а Пространную редакцию – к концу того же века (или даже к рубежу XVII–XVIII в.). При сравнении обоих текстов становится очевидным, что более поздняя Пространная редакция, созданная на основе более ранней – Краткой редакции, включала в себя все её основные политико-правовые моменты и существенно дополняла её.

В третьем параграфе – «Краткая редакция адатов Андалала» отмечается, прежде всего, несомненное сходство Андалальских адатов и по содержанию, и по типологии с известными межсельскими договорами лакских джамаатов XVII века, заключавшими в себе формы коллективного противостояния общинников феодальной экспансии шамхальского дома и их клеветов по самым разным направлениям. Прямого заимствования положений этих договоров в Андалальском списке не обнаружено, но в самих формах отпора внешним силам много общего: причиной этого могла быть схожесть социальных условий, территориальной и ситуативной близости Андалала и Лакии, да и противник обоих джамаатов был общий.

Краткий адатный список предусматривает награждение убившему бека во время войны, выплачиваемое убийце из общего фонда союза; выплату из этого же фонда и судебного выкупа за андалальца, если он где-либо ранит бека; общественную компенсацию семье убитого беком общинника. Запрещены все формы дружеских контактов с беками – от угощения их и гостевания до службы, получения подарков или продажи им недвижимости. Запрещены даже брачные отношения с ними, хотя это уже вступает в противоречие с шариатом. Особо

преследуется передача бекам всякой информации о внутренней жизни сёл союза, но в особенности – о кровниках беков. На всякую попытку беков завладеть имуществом общинника союз отвечает общим бойкотом. Даже за словесное признание себя «рабом или нуцалчи (беком)» общинник наказывается крупным штрафом. Кстати, последний термин, возможно, указывает на ещё один очаг опасности феодальной экспансии – со стороны хунзахских нуцалов.

С формально-юридической стороны, тут предусмотрены коллективные санкции против деликтов самого разного рода: против личности, против собственности, в защиту союзной экстерриториальности и верховенства союзного суда перед всеми иными. Но все разнообразные статьи объединены общей направленностью: сплотить джамааты союза против общей и, вероятнее всего, внешней опасности (последнее может указывать на время создания этого адатного списка до испомещения Султана в Ругудже, т.е. в 1-й пол. XVII в.). Всё это придаёт данному тексту формальные черты договорного права. Но в отличие от военной угрозы, как правило, всегда временной, феодальная экспансия является постоянной, а потому меры против неё приобретают формы норм общественного поведения, постоянных и обязательных для каждого андалальца – последнее придаёт им выраженный и несомненный характер адатов. Будучи соглашением между суверенными общинами, данный текст должен рассматриваться как памятник «внешнего» права – однако по мере консолидации и сплочения Андалала такая атрибуция заметно слабеет, хотя все эти нормы-статьи сохраняют свою принадлежность к публичному праву.

Четвёртый параграф – «Пространная редакция адатов Андалала».

Диссертант отмечает, что главное отличие Пространной редакции от предшествующей Краткой редакции Андалальских адатов – это адатный сборник, стоящий в одном ряду с такими письменными сборниками обычного права южно-аварских союзов XVII в., как Гидатлинские адаты, Келебские адаты, адаты Рис-Ора, где, бесспорно, преобладают нормы «внутреннего» права. Автор отмечает, что подобно им, нормы Пространной редакции адатов Андалала большей частью относятся к уровню «союзной», т.е. межджамаатской юрисдикции, предполагая тем самым действие сельских обычаев и судей как «судов 1-й инстанции» и оставляя за собой роль правовой базы «судов 2-й инстанции» с апелляционными полномочиями.

Такой оценке Пространной редакции соответствуют, прежде всего, её источники. Нормы Краткой редакции вошли в текст Пространной редакции полностью, несмотря на свой «внешнеправовой» облик – пожалуй, только одна из них (о недопустимости переноса негативной информации из села в село) может быть отнесена к «внутренним» нормам. Бесспорно, к ним были добавлены нормы адатного права джамаатов, вошедших в Андалальский союз джамаатов, и в первую очередь адаты джамаатов – лидеров союза (Согратль, Ругуджа, Чох).

Заметно наличие в составе Пространной редакции и норм, возникших из судебных прецедентов.

Некоторые нормы обнаруживают своё происхождение из постановлений общинных собраний разного уровня – одного из сёл либо союзного собрания джамаатских представителей, либо общего собрания общинников-ополченцев всех 12 сёл: только такое собрание способно принять полномочное решение о защите любого из малых сёл Андалала от возможных притеснений крупных сёл путём общего выступления всех джамаатов против обидчика. Следует отметить все возрастающие случаи рецепции норм шариата в адаты Дагестана: в особенности начиная с XVII в. это очень заметно прослеживается в Пространной редакции адатов Андалала. Прямые заимствования более очевидны, но надо учитывать и косвенное влияние шариата: устранение несовместимых с ним архаических моментов при сохранении основной нормы либо модификацию традиционных норм ради «приближения» их к шариатским принципам.

Сложнее выявляются возможные рецепции адатных норм из сопредельных с Андалалом земель: здесь наряду с прямым заимствованием или влиянием возможно и конвергентное сходство – в силу общности среды, исторического прошлого, традиций.

Третья глава – «Адаты Гидатля» состоит из четырёх параграфов.

Параграф первый – «Общая характеристика адатов Гидатля».

Гидатлинские адаты – это свод обычно-правовых норм, они дошли до нас в единственном списке на арабском языке. Впервые научный мир увидел эти адаты в 1957 г. Арабский текст с параллельным русским переводом осуществлен большим знатоком арабоязычной дагестанской письменной культуры М.-С. Д. Саидовым. Примечания к тексту перевода составлены Х.-М.О. Хашаевым, предисловие написано Г.-А.Д. Данияловым.

Структурно рукопись под названием «Адаты Гидатля» состоит из трех разделов.

Раздел первый, т.е. собственно говоря, историко-мифологическая преамбула «Сведения о тех, кто первыми обосновались на гидатлинской земле, о том, как они ее распределили между собой и установили границы», в свою очередь, распадается на четыре главы. Автор дает краткое содержание всех четырех глав.

Раздел второй включает в себя собственно адаты (всего около 70 статей). Анализируя статьи, можно заметить два периода их становления. Первый период начинается с XI в. до 1475 г., т.е. до принятия ислама Гидатлинским обществом. Для этого периода характерно наличие только обычно-правовых норм. Можно предположить, что до этого времени в основном формировались адаты Гидатля. Но среди этих статей можно выявить архаическое ядро, которое, наверняка, сложилось в XI – начале XIII вв. Второй период начинается с 1475 до

1660 г. Для этого периода характерно заимствование шариатских норм и влияние шариата.

В раздел третий входят три соглашения:

- а) соглашение сел. Ратлуб с Гидатлинским обществом;
- б) соглашение между ахвахцами и ратлубцами (в конце этого соглашения имеется дата его составления – 1070 хиджры, т.е. 1660 год);
- в) соглашение между хунзахскими и гидатлинскими обществами.

Эти соглашения являются межобщинными договорами, составляющими тогдашнее внешнее право. Таков состав и структура Гидатлинских адатов.

Второй параграф – «Правовое положение населения Гидатля».

Отмечается, что в сёлах Гидатля в XV–XVIII вв. жили различные группы населения, которые различались между собой по статусу в общине. Имеющийся материал свидетельствует о распаде населения Гидатля на три уровня.

Первый уровень. Сюда входили свободные полноправные общинники. Есть основание их считать, подобно другим обществам Северного Кавказа, узденями. Среди свободных общинников существовала своеобразная градация, делящая их на три группы:

Первая группа – сюда входили сильные влиятельные люди. В тексте они названы арабским термином «галиб» – смысл не совсем ясен (буквально, это слово означает «человек с толстой шеей»). Можно предположить, что это – группа людей среди узденства, которая периодически позволяла себе нарушать общественные нормы. Вторая группа общинников – это обычные самостоятельные жители, то есть основная масса из первого уровня свободных полноправных общинников, которые составляли ядро Гидатлинского джамаата. И, наконец, третья группа – люди, периодически ущемляемые в правах на время их наёмной работы. Таков был первый уровень полноправных общинников Гидатля в XVI–XVIII вв. Что касается правового положения этих групп, то оно особо не отличалось, хотя между ними имелись некоторые правовые различия. Полноправных жителей Гидатля называли узденями. Автор даёт этимологию этого термина, который зафиксирован в источниках северокавказского происхождения.

Второй уровень. Неполноправные общинники – это лично свободные и организовавшиеся в тухумы жители, но, тем не менее, они не обладали правом голосования. Они могли стоять в задних рядах как присутствующие, но не как голосующие. Они имели право приобрести пахотный надел, но не допускались к угодьям совместного пользования (пастбищам и лесам), чаще всего и к угодьям надельно-сезонного пользования, сенокосам и т.п.

К этой же группе можно отнести наёмных работников и бездомных людей, живущих в чужом жилище (хадимы и сакины). Не теряя статуса свободы, они часто ущемлялись в правах, за их некоторые преступления отвечал наниматель или хозяин дома (§ 24 – здесь и далее указаны параграфы Гидатлинских адатов. –

Ш.И.). И, наконец, к группе неполноправных, но свободных людей можно отнести чужесельцев, которые сохраняли свой статус свободных людей. Они не участвовали в народном собрании и других общественных мероприятиях. Не имели они также права приобретения недвижимости, но допускались к совместному пользованию пастбищами. Некоторые статьи адатов предусматривают их особую ответственность за соучастие в преступлениях (§ 42). В некоторых случаях для них предусмотрены повышенные штрафы. Эта группа населения ближе всего стояла по своему статусу к метекам в полисах Древней Греции.

Третий уровень. Сюда входили зависимые люди Гидатля, они тоже распались на несколько групп.

Первая группа зависимого населения обозначена арабским словом «хадим». Значение этого слова пока выяснить не удалось. Эта категория людей жила в доме хозяина – он разделял ответственность за них. Вторая группа – обозначенные в тексте адатов арабским термином «абид», т.е. рабы, имеющие скот и жильё. Впрочем, имеется и другое значение этого термина. В мусульманском праве абидами называли душевнобольных, умалишённых, словом, людей, не обладавших полностью дееспособностью и нуждающихся в опеке. Ближе к этой группе примыкали жители неполноправного селения Тлях – его жители были райатами, т.е. рентоплательщиками шести главных сёл Гидатля. И, наконец, третья, последняя группа, называемая арабским словом «гулам», что точно соответствует аварскому слову «лаг», т.е. «раб». Они были людьми бесправными и без собственности, не являлись субъектами права, а считались, как в классический период Рима, объектами. Основным источником рабства была война.

Правовое положение третьего уровня – лично зависимого населения – всегда было тяжёлым. Они не обладали правоспособностью и дееспособностью. Вещи, находящиеся в доме раба, считались собственностью его хозяина. В правовом отношении эти группы отличались друг от друга. Третья группа была среди них самой бесправной. Далее автор характеризует правовое положение вольноотпущенников.

Третий параграф – «Преступление и наказание по адатам Гидатля».

Диссертант обращает внимание на то, что Гидатлинские адаты не содержат точного определения преступления. Исходя из содержания адатов, можно понять, что под преступлениями понималось нанесение материального ущерба и морального вреда лицу, группе лиц в общине или обществу.

Объектами преступления были личность, семья, община, общество, мечеть, имущество. Объективная сторона охватывала и покушение на преступление. Субъектами преступления могли быть отдельные лица или группа лиц, за исключением рабов и вольноотпущенников, которые считались таковыми лишь по некоторым преступлениям, являясь, таким образом, лишь

частичными субъектами. В случае совершения преступления рабом за него отвечал его хозяин.

Субъективная сторона преступления включала умысел или неосторожность, хотя особого разграничения вины ещё не было.

Классификация преступлений по адатам Гидатля выглядела следующим образом:

- преступления против общины и общества: незаконный выпас скота, запашка земли;
- межобщинные преступления: поджог моста, изменение границ, нападение на соседнее общество, ишкиль на жителей Ахваха, Ратлуба, Цекоба, Караха;
- преступления против личности: убийства, ранения, увечья, оскорбления;
- преступления против семьи и нравственности: прелюбодеяние;
- преступления против правосудия: нарушение запрета обращений судебного разбирательства к жителям других селений, нарушение запрета дарения и продажи имущества до окончания суда.

Система наказаний:

- наиболее распространённой мерой наказания было материальное взыскание с виновного: обычно оно состояло из двух частей – штрафа в пользу общества за нарушение нормы и выкупа потерпевшему как возмещения, компенсации причинённого ему ущерба. И штрафы, и выкупы были весьма разнообразными по величине и форме: в качестве платёжных эквивалентов, в которых они исчислялись, в адатах названы медные котлы, шерстяные шали, крупный и мелкий рогатый скот, иногда обязанность угощения (прокормления) определённого числа людей (§ 66);
- крайней мерой общественного наказания по адату считалось изгнание за пределы Гидатля за серьёзные преступления (поджог моста – см. § 41);
- действенной мерой наказания был и общественный бойкот виновного по решению общинного суда.

Особо следует сказать о ненаказуемости убийства вора, насильника или поджигателя. На взгляд автора, эти санкционируемые адатами действия никак нельзя приравнять к смертной казни, которая в адатах отсутствует. Видимо, все эти действия рассматривались как право личности на защиту своих родных, имущества и семьи.

Четвёртый параграф – «Влияние шариата на адаты Гидатля».

Автор пишет, что даже беглый взгляд на текст Гидатлинского сборника адатов свидетельствует о знакомстве кодификаторов с шариатским правом и влиянием его на адаты Гидатля XVII в. Прежде всего, бросается в глаза шариатская терминология, проникшая в эти адаты: очень часто упоминается дият, как выкуп за убийство и серьёзные ранения, фидйат – многочисленные и

разнообразные штрафы за всякого рода преступления и деликты. Вводится понятие «назру» – правда, лишь как частный случай, своего рода прижизненный дар – завещание. Ещё более своеобразно осмысление понятия «варис» – приводятся степени родства, которые по шариату определяют очерёдность и доли получения наследства. Однако в Гидатлинских адатах этим определяется материальное участие родственников в уплате судебного штрафа за члена их тухума в случае его несостоятельности, т.е. очерёдность их привлечения к уплате и степень их участия. По мнению автора, во всех этих четырёх позициях заметно влияние шариата.

Тот же вывод можно отнести к ограничению круга кровомстителей в § 5 и 6, к значительному штрафованию того, кто, не будучи дибиром или кадием, берётся оформлять чей-то брак – при этом штрафуются и участвующие в этом свидетели (см. § 65). То же можно сказать и об отрицании древней адатной нормы – ишкиля в § 27. А в приложенном к списку договоре с Хунзахом (п. 6) прямо предусмотрен штраф за ишкиль по шариатской норме, а далее добавлено, что не допускаются любые формы удержания чьего-либо имущества, не соответствующие шариату. Иными словами, влияние шариата на «внешнее» адатное право было даже сильнее, чем на внутреннее право. Но в некоторых случаях такое влияние не столь очевидно. Например, в § 11 допускается безнаказанное убийство вора, застигнутого на месте преступления – то же самое повторяется в приложении к Гидатлинским адатам (договор с Ахвахом и Ратлубом), в § 13 то же самое предусмотрено и для разбойника, и для грабителя. Очевидное сходство обоих этих адатов с соответствующими шариатскими нормами может быть результатом как заимствования, так и конвергенции, т.к. встречается в обычном праве многих народов.

Отсутствие в адатах Гидатля каких-либо детальных регламентаций в области семейного и наследственного права, очевидно, свидетельствует о том, что они отнесены к сфере шариатской юрисдикции, что тоже говорит о влиянии шариата на адатное право Гидатля.

Четвертая глава – «Адаты Кайтага» состоит из четырёх параграфов.

Первый параграф – «Общественно-политический строй Кайтага».

Государственная традиция Кайтага уходит своими корнями в доисламский период. В работе изучается процесс восстановления и складывания Кайтагского уцмийского государства в XV–XVIII вв. Ядром его в XV в. стал союз тогда ещё пяти горных общинных союзов Верхнего Кайтага (включая Зирихгеран), но вскоре ими в качестве арбитра и «живого символа» их единства был приглашён представитель древней уцмийской династии. Тогда же к этой восстановленной монархии примкнул Нижний Кайтаг, в центр которого Баршли (Башлы-кент) переместилась резиденция уцмиев. В конце XVI в. уцмии сумели организовать заселение и освоение третьей части этого государства – Терекеме, т.е. Приморской равнины. Не позже начала XVII в. определился и

статус четвёртой его части – Хамур-Дарго (Гамринский магал) с центром в Утамыше, где доминировал аристократический тухум «Карачибеков»: глава их – султан считался наследственным вассалом уцмия и наследственным правителем своего удела (средний и нижний бассейн р. Гамри-озень), сохраняя, таким образом, самоуправление Хамур-Дарго внутри Кайтага. Все четыре части этого федерального монархического союза имели разный статус – соответственно ему и уцмий выступал в каждой из них в разной роли. Для горных союзов Верхнего Кайтага (к XVIII веку за счёт дробления их стало уже 8, не считая Кубачи) уцмий был арбитром при спорах, представителем их общих интересов при внешнеполитических контактах и символическим предводителем их объединённых ополчений. О каких-то податных отношениях здесь не могло быть и речи, зато неизменной была военная поддержка горцами уцмиев в любых внешних конфликтах.

Узденское большинство жителей Нижнего Кайтага относилось к главе уцмийского рода как к главе государства. Они выплачивали ему фиксированный налог, а также судебные пошлины, несли поочередно охранную службу, а в случае войны формировали ополчение.

Терекемейская равнина с XV века считалась корпоративным вотчинным владением всего уцмийского рода. Поэтому приглашённые сюда уцмиями в конце XVI в. переселенцы из Ширвана стали поземельно-зависимыми райатами, наследственными пользователями наделных хозяйств. Каждое из них облагалось определённой рентой и повинностями. Периодически это общее число хозяйств (кешкелей) перераспределялось между правоспособными членами уцмийского рода. Здесь уцмии выступали как феодалы-рентополучатели.

Хамур-Дарго было обязано давать военный контингент уцмию как сюзерену и главе верховной государственной власти. Внутри удела карачибеки исполняли роль, подобную уцмийскому роду в остальном Кайтаге. Заметную роль здесь играл и кади. Султан был получателем ренты с райатов-переселенцев нижнего течения Гамри-озеня (Каякент и окрестные поселения).

Диссертант делает вывод о том, что общество Кайтага было пёстрым и в хозяйственном, и в этническом, и в сословном отношении, что, в свою очередь, препятствовало интеграции и способствовало сохранению федерального «разностатусного» характера государственной структуры. Главная масса населения Кайтага относилась к свободному узденству, объединённому в джамааты и обладающему наделной земельной собственностью. Налоги и повинности они несли лишь перед государственной властью как граждане, однако в разной степени: обязанность верхнекайтагских горцев ограничивалась здесь одной только военной поддержкой уцмия. Райаты, поземельная зависимость которых к концу XVIII в. превратилась в их закрепление на земле,

несли разнообразные рентные обязанности – продуктовые и трудовые, но от воинской повинности практически были освобождены.

Особой группой зависимого крестьянства были чагары – жители нескольких сёл, исконно закреплённые за местом своего проживания: отсюда прослеживаемый в источниках архаический взгляд на них как на «принадлежность земли» наряду с объектами природы, на чём и основывалась зависимость чагаров от собственника этой земли.

Особой замкнутой группой были и горские евреи. Поселение их вблизи уцмийских резиденций в любом случае не могло иметь место ранее заселения Терекеме, следовательно, после рубежа XVI–XVII вв. Занимаясь ремёслами, возделывая виноград и табак, они находились, таким образом, на положении лично-зависимых зиммиев – клиентов, покровительствуемых уцмиями.

Рабами становились обычно иноземцы-военнопленные, захваченные либо купленные. Отсюда их бесправный статус «человековещи», личной собственности и объекта (но не субъекта) права, но с перспективой, при условии принятия ислама, добиться сначала ограничения рабства сроком, а затем стать вольноотпущенником.

Второй параграф – «Источники и периодизация становления адатного свода норм Кайтага».

До современных исследователей дошло три варианта этого памятника; два из них – список А.В. Комарова и Дербентский список – сохранились лишь в русских переводах, хотя их публикаторы в XIX в., бесспорно, имели перед собой их арабоязычные тексты. Третий вариант сохранился в виде списка, сделанного аджамом на кайтагском диалекте даргинского языка в 1828 г. в с. Киша, как копия с более раннего, пришедшего в негодность прототипа.

Полные тексты всех трёх вариантов не содержат какой-либо прямой или бесспорной датировки своих прототипов, к тому же в каждом из них есть множество датирующих элементов, характерных для разных периодов. Их сопоставление приводит к допущению, что в основе всех трёх вариантов лежит общее ядро текста, сформировавшееся ранее начала XVII в., но впоследствии (в разные периоды) дополнявшееся привносимыми поздними нормами и деталями. Выделение такого ядра, в особенности по переводам и поздним копиям, весьма затруднительно. Менее всего пригоден для этого дербентский вариант, перегруженный анахронизмами, внесёнными при переводе (вплоть до попыток перевести средневековые платёжные эквиваленты в русские рубли XIX в.)

Из двух более-менее доброкачественных вариантов наиболее архаичным выглядит список А.В. Комарова, где штрафные суммы выражены не в деньгах, а в натуральных эквивалентах (тканях «хабцалдик»).

Анализируя тексты адатов Кайтага, можно проследить три этапа их становления:

этап первый – сбор народных изустных норм, наиболее общих и важных;

этап второй – соединение их с судебными прецедентами и конкретными судебными решениями;

этап третий – кодификация, разбивка текста на разделы и письменная фиксация, безусловно, грамотными и начитанными людьми.

Специфической особенностью адатов Кайтага является то, что в них введены и этические нормы правильного общественного поведения. Это служит одним из отличительных признаков адатов от законов.

Третий параграф – «Историко-правовая и технико-юридическая характеристика адатного свода норм Кайтага».

По некоторым типологическим признакам можно выделить статьи, несомненно, архаические, восходящие к ранней эпохе и относящиеся к архаическому исконному ядру этого сборника Кайтагских адатов. На взгляд автора, к таковым следует отнести статьи со следующими признаками:

- шесть статей, упоминающие «букъ» – архаический натуральный выкуп постоянного размера, взимаемый за убийство;

- две статьи, рекомендуемые в качестве меры воздействия на нарушителя-одиночку общинный бойкот – прерывание всяких отношений с ними (вплоть до приветствий!) под угрозой штрафа;

- статью о безусловной ответственности тухума за поведение «неисправимого» нарушителя: тухум должен либо убить его, либо солидарно, сообща отвечать за все его выходки и преступления.

Некоторые архаические санкции (например, разрушение дома виновного как мера наказания) перенесены и в явно поздние статьи – шариат не приемлет подобной меры наказания. Подобный казус свидетельствует, скорее, о консервативности общественного сознания, нежели о возрасте статей – хотя эта мера наказания сама по себе архаична и возникла задолго до XVII в.

Архаичный облик Кайтагскому сборнику придают и нормы сугубо морального характера, не содержащие ни диспозиции, ни санкции, а лишь моральную оценку и рекомендацию поведения. Это – типичные черты, характерные для обычая на стадии изустного бытования: обычаи правовые, этические, религиозные и т.п. смешаны воедино.

Четвёртый параграф – «Преступление и наказание по адатом Кайтага».

Для настоящей работы главный интерес представляют те адатные нормы, которые сложились до XVII в., поэтому в основу исследования положен наиболее архаичный текст т.н. «Кодекса Рустем-хана» – список А.В. Комарова.

Хотя основной материал этого «Кодекса» составляют типичные горские адаты, однако следует особо отметить и некоторые заметные его отличия от остальных адатных сборников того периода. Если в большинстве адатов общество не берёт на себя наказание преступника смертью, а предоставляет потерпевшему право на это, то в «Кодексе Рустем-хана» эта мера наказания уже

предусмотрена для некоторых преступлений. Диссертант считает, что эта новация связана с укреплением государственности в Кайтаге, в частности организованного насилия, на которое опиралась там отчуждённая публичная власть, т.е. появление личной стражи уцмия, нукеров и т.п., которым отныне можно поручить эту акцию.

Другая новация этого адатного «Кодекса» – постепенное складывание правопривилегий, что характерно для феодального права и связано, вероятно, с годами правления Рустем-хана. Более чем в остальных горских адатных сборниках, в «Кодексе Рустем-хана» подчёркнута принадлежность субъекта к тому или иному общественному слою (талкан, чанка, уздень, чагар, раб) – этим часто определяются различия в наказаниях и компенсациях за одно и то же преступление. Это убедительно свидетельствует о сословиях, расслоении в Кайтаге XVI–XVII вв. и отражении сословного подхода в правовых нормах.

Адаты Кайтага, как и другие памятники обычного права Дагестана, не содержат формулировок самого понятия преступления. Но судя по приводимым в «Кодексе» нормам, нетрудно понять, что именно понималось там под преступлением: это – всякое нарушение общественного порядка, отражённого в нормах адата, в соответствии с которыми предусмотрены и наказания. Они часто различаются в соответствии с сословной принадлежностью субъектов, отсюда и номинация их в Кодексе: талканы (беки), чанки, уздени, чагары. Субъективная сторона охватывала умысел и неосторожность, хотя особого чёткого различения форм вины не отмечено. Объектами преступления названы: община, семья, личность, имущество разных видов, мечеть. Объективная сторона включала как покушение на преступление, так и оконченное преступление.

Основные виды преступлений:

1. Преступления против личности: убийство, увечья, подстрекательство, ранение, побои.
2. Преступления против религии: нарушение поста и пропускание молитвы.
3. Имущественные преступления: различные виды воровства (покушение на воровство, простое и квалифицированное воровство), ишкиль.
4. Должностные преступления и преступления против порядка управления и суда: самоотделение села от Кайтагского общества, непослушание обществу, непослушание адатам, неявка в суд, злоупотребление властью.
5. Преступления против семьи и нравственности: умыкание, прелюбодеяние.

Основные виды наказаний:

1. Смертная казнь: за прикосновение раба к узденке.
2. Разрушение домов: за неучастие против произвола талкана.
3. Изгнание из общества: за убийство законного преследователя.
4. Конфискация дома: за кражу из мечети.

5. Штрафы: за различные правонарушения (платёжные эквиваленты – букь, хабцалдик, куруш, танга, обувь, серебро, туман, мякина).

Таковы основные виды преступления и наказания в Кайтаге XVI–XVII вв.

В заключении подводятся основные итоги исследования, формулируются теоретические выводы и даются практические рекомендации по совершенствованию законодательства, а также перспективы изучения памятников права Дагестана

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Исаев Ш.М. Податные списки аварских ханов как историко-правовой источник // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала, 2005. – № 21 (перечень ВАК), автора – 0,25 п.л.

2. Исаев Ш.М. Адаты Андалала: списки, состав, датировка // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала, 2005. – № 23 (перечень ВАК), автора – 0,25 п.л.

3. Исаев Ш.М. «Завещание Андуника б. Ибрагима» как историко-правовой документ XV в. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 2007. – № 6 (перечень ВАК), автора – 0,25 п.л.

4. Исаев Ш.М. Общее понятие и виды источников обычного права // Северокавказский юридический вестник. – 2011. – № 3 (перечень ВАК), автора – 0,6 п.л.

5. Исаев Ш. М. Предпосылки формирования биюридической правовой системы в Дагестане в XV–XVIII вв. // Юридический вестник ДГУ. – Махачкала, 2009. – № 1, автора – 0,37 п.л.

6. Исаев Ш.М. Архаическое ядро Кайтагского адатного свода норм // Перспективы взаимодействия национальных правовых систем в условиях глобализации и регионализации: сборник научных статей по материалам V международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Ростовского государственного университета (РИНХ) и 15-летию юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) 16-17 октября 2010. – Ростов-на-Дону, 2010, автора – 0,25 п.л.

7. Памятники права народов Дагестана / Сост. Исмаилов М.А., Айтберов Т.М., Акбиев А.С., Магомедсултанов И.И., Исаев Ш.М. – Ростов–на–Дону., 2010. – 63 п.л. (авторство не разделено).